

УДК 808.2
ББК 81.2

СИНОНИМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ¹

А.А. Кудрявцева

Исследование апеллятивизированных единиц в функциональном аспекте позволило уточнить критерии разграничения синонимов, выделив такой критерий, как внутренняя форма слова. В статье показано, что апеллятивизированные единицы могут употребляться в качестве синонимов различных типов: стилистических, семантико-стилистических, семантических и оценочно-стилистических.

Ключевые слова: *имя собственное, имя нарицательное, семантика, номинация, апеллятивизация, прономинация, синоним, интертекстуальность.*

В русском языке достаточно широко распространена апеллятивизация – явление перехода имен собственных (онимов) в разряд имен нарицательных (апеллятивов). Данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец* (ПС, с. 227). В результате перехода имен собственных в нарицательные образуются апеллятивизированные единицы, которые мы называем прономинантами (семантическими дериватами, произведенными от онимов).

Лексической основой прономинации являются имена собственные, однако в данном качестве может выступать не всякий оним, а только прецедентное имя (ВССРР, с. 244). Отметим, что в последние годы значительно возросло внимание отечественных лингвистов к феномену прецедентных имен, а также к семантической структуре онима, включающей компоненты, которые позволяют ему выступать в качестве апеллятивизированной единицы. Данный вопрос поднимается в работах М.В. Голомидовой, Д.Б. Гудкова, В.А. Лукина, В.П. Москвина, Е.С. Отина, И.Э. Ратниковой, О.В. Фроловой, Т.В. Хвесько и др. Использование в тексте прецедентных апелля-

тивизированных единиц рассматривается в науке как проявление феномена интертекстуальности [5, с. 117].

Прономинация, будучи по своему предназначению способом создания экспрессивных синонимов к «обычным словам» [8, с. 66], то есть к словам нейтральным в оценочном и стилистическом планах, является одним из источников синонимии в современном русском языке. Вступая в синонимические отношения с апеллятивами, прономинанты образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды.

О синонимии и синонимах писали многие исследователи: Ю.Д. Апресян, З.Е. Александрова, С.Г. Бережан, А.А. Брагина, Р.А. Будагов, Т.Г. Винокур, А.Д. Григорьева, А.П. Евгеньева, В.Н. Клюева, Л.А. Новиков, А.А. Реформатский и др., однако до сих пор не выработаны общепризнанные критерии определения синонимичности. Наиболее часто упоминаются следующие: единая частеречная принадлежность, семантическая близость, взаимозаменяемость. Остановимся подробнее на каждом из них.

1. Единая частеречная принадлежность синонимов в настоящее время не подвергается сомнению, что отражено в современной справочной литературе (СЛТ, РЯЭ, ЛЭС). Обосновывая этот критерий, В.Н. Клюева пишет, что «нельзя синонимизировать разные части речи, так как принадлежность слова к определенной грамматической категории со-

проводится особым путем развития его значения» [4, с. 5].

2. Семантическая близость трактуется в науке по-разному. При узком понимании синонимов речь может идти не о семантической близости, а только о семантическом тождестве лексических единиц. Сторонники этого подхода полагают, что определение «близость значений» слишком неясно и неточно, в то время как тождество значений позволяет выявить действительную синонимию, объективно существующую в языке. Так, С.Г. Бережан считает, что под синонимией надо понимать «полное тождество отдельных структурных элементов значений слов» [2, с. 168]. Однако большинство ученых придерживаются широкого понимания синонимов, считая, что «синонимы обычно не могут иметь одинакового значения уже потому, что они выражают различные оттенки понятия» [3, с. 52].

3. Взаимозаменяемость как один из основных критериев определения синонимичности признают многие ученые (З.Е. Александрова, Л.А. Булаховский, Б.В. Горнунг, Э.М. Медникова, В.П. Москвин, Ст. Ульман, В.Н. Фаворин и др.). При этом в качестве признаков, дифференцирующих синонимы, называются: а) наличие/отсутствие тех или иных дифференциальных сем; б) стилистическая окраска; в) наличие/отсутствие эмоционально-экспрессивных и оценочных коннотаций. Разделяя это мнение, мы полагаем, что существует еще один существенный признак, дифференцирующий составляющие синонимической парадигмы, – внутренняя форма слова, которая «как синхронный компонент семантической структуры номинативной единицы регулирует план содержания языковых знаков, оказывая влияние на их дистрибуцию и функционирование» [7, с. 4]. Поясним данное положение на примере. В качестве синонимов слова *изобретатель* используются прономинанты *кулибин* и *эдисон*. Различия во внутренней форме прономинантов (первый образовался от фамилии русского изобретателя, а второй – от фамилии американского) повлияли на тот факт, что прономинант *кулибин* содержит различительную содержательную сему ‘русский’, а прономинант *эдисон* – различительную содержательную сему ‘зарубежный’. Соответственно, данные единицы характеризуются различ-

ной сочетаемостью (*наши, российские кулибины – их эдисоны*).

Таким образом, нам представляется правомерным говорить о четырех параметрах, дифференцирующих синонимы.

В статье синонимический потенциал апеллятивизированных единиц характеризуется с опорой на функциональную классификацию лексических синонимов. Традиционно выделяют следующие группы: абсолютные, семантические, стилистические, оценочные; кроме того, возможны синкретичные (совмещенные) типы синонимов: семантико-стилистические, оценочно-стилистические и др. [1, с. 268]. Рассмотрим, какие группы синонимов представлены прономинантами.

Чаще всего прономинант является по отношению к доминанте стилистическим синонимом (подобные единицы составляют 71,2 % проанализированных прономинантов). Стилистические (стилевые) синонимы относятся к различным стилям речи. Они выполняют функцию стилевой организации текста, которая «состоит в стилистическом согласовании синонимов... с общим характером текста (высоким, нейтральным, сниженным)» [6, с. 239]. В качестве примера можно привести следующие синонимические пары: *солнце* – поэт. *Феб*; *луна* – поэт. *Диана*; *любовь* – поэт. *Киприда*; *извозчик* – разг. устар. *ванька*.

Наш материал показывает, что, как правило, в парах стилистических синонимов апеллятив стилистически нейтрален, а прономинант стилистически маркирован. Так, прономинант *Элизиум* (*Элизий*) зафиксирован в поэтических произведениях XIX в., преимущественно у А.С. Пушкина, в качестве синонима слова *рай* [*Элизиум* – в античной мифологии благодатная местность, где продолжалась жизнь людей, связанных родством с Зевсом; позднее (у латинских поэтов) – место, где обитают души умерших избранников богов]. Существительное *рай*, употребляясь в прямом значении, обозначает «место, где души умерших праведников ведут блаженное существование» (Ожегов, с. 604). Прономинант *Элизий* способен синонимизироваться со словом *рай* в указанном значении, например: *Лишь розы увядают, / Амврозией дыша, / В Элизий улетает / Их легкая душа* (Пушкин, А. С. Лишь розы увядают...; ср.: ‘в рай улетает их легкая душа’);

В *Элизии* Василий Тредьяковский / (Преострый муж, достойный многих хвал) / С усердием принялся за журнал (Пушкин, А. С. Литературные известия; ср.: 'в раю Василий Тредьяковский'). Кроме того, слово *рай* имеет переносное значение 'красивое, приятное место' (Ожегов, с. 604). В таком значении может использоваться и рассматриваемый прономинант, например: *Как сельский быт он полюбил, / Забыв о купленном веселье, / И в этом замкнутом ущелье / Элизий полный находил* (Фет, А. А. Сабина; ср.: 'в этом замкнутом ущелье рай полный находил'); *Не се ль Элизиум полнощный, / Прекрасный Царско-сельский сад...* (Пушкин, А. С. Воспоминания в Царском селе; ср.: 'рай полнощный'). Прониминант *Элизиум* (*Элизий*), как показал анализ, не имеет семантических различий со словом *рай*. Рассматриваемые единицы являются стилистическими синонимами, так как прономинант употребляется только в поэзии, а существительное *рай* стилистически не маркировано.

При участии прономинанта *Раскольников* образовалась синонимическая пара *убийца* – *Раскольников* (Родион Раскольников – убийца, герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). Данный прономинант зафиксирован в современной публицистике: *Как всегда, не хватало на бутылку. Утром современный **Раскольников** взял нож и отправился к соседям. Он **убил** тридцатидвухлетнюю женщину, мать двоих детей, из-за жалких пятидесяти рублей* (Вечерний Волгоград. 2008. 8 окт.) – семантика прономинанта выявляется из контекста; *Дежурный патруль Краснооктябрьского РОВД по горячим следам раскрыл **убийство** рабочего Тракторного завода. Юный **Раскольников** – нигде не работающий 19-летний Т., наркоман со стажем* (Городские вести. 1997. 24 нояб.) – семантика прономинанта выявляется из контекста; *На суде дубовские **раскольниковы** пытались оправдаться: жизнь тяжелая, работы нет, кризис* (Комсомольская правда. 2009. 12 нояб.) – семантика прономинанта выявляется из предтекста, так как в статье говорится о суде над убийцами. Между синонимами *Раскольников* и *убийца* отсутствуют семантические различия. Данные единицы различаются сфе-

рой употребления, поскольку прономинант встречается преимущественно в публицистической речи, а существительное *убийца* стилистически не маркировано.

Значительное число прономинантов выступает по отношению к доминанте как семантико-стилистический синоним (подобные единицы составляют 20,6 %). Такие синонимы выполняют две функции – дифференцирующую и функцию стилевой организации текста.

Например, синонимическая пара *хозяин* – *Амфитрион* образовалась при участии прономинанта *Амфитрион* (*Амфитрион* – персонаж древнегреческой мифологии, царь Тиринфа. В комедиях Плавта и Мольера он изображен гостеприимным хозяином). Прониминант *Амфитрион* зафиксирован в русской классической литературе XIX в. (как в поэзии, так и в прозе). Обратимся к семантике данной единицы. Благодаря образу, созданному комедиографами, рассматриваемый прономинант приобрел значение 'гостеприимный хозяин', которое и фиксируется в словарях (БАС, 1948, т. 1, с. 159). Материал нашей картотеки подтверждает наличие у синонима *Амфитрион* различительной содержательной семы 'гостеприимный': *Троекуров отдал полную справедливость винам своего **амфитриона** и искусству его повара* (Пушкин, А. С. Дубровский); *[Фердыщенко] стал говорить неподобные речи и, указывая на «деревянного дела пушечку», угрожал своих **амфитрионов** перепалить* (Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города) – подтверждение того факта, что прономинант *амфитрион* употреблен здесь в значении 'гостеприимный хозяин', можно найти в предтексте: *пьяный градоначальник угрожал людям, которые перед этим угостили его обильным обедом; **Амфитрион** был предводитель. / И в день рождения жены, / Порядка ревностный блюститель, / Созвал губернские чины* (Лермонтов, М. Ю. Тамбовская казначейша). Синонимы *хозяин* и *Амфитрион* можно противопоставить по двум параметрам. Во-первых, данные единицы различаются семантически, поскольку прономинант *Амфитрион*, как было показано выше, используется при обозначении гостеприимного хозяина, а лексема *хозяин* может номинировать человека как гостеприимного, так и наоборот. Во-вторых, анализируемые синонимы различаются сферой употребления: прономинант имеет

ярко выраженную книжную окраску, а существительное *хозяйин* стилистически не маркировано.

При участии прономинанта *Кассандра* образовалась синонимическая пара *предсказательница* – *Кассандра* (*Кассандра* – персонаж «Илиады» Гомера, троянская царевна, которая предсказала гибель Трои). Прониминант *Кассандра* функционирует в современной публицистике. Большинство примеров нашей картотеки свидетельствуют о том, что на семантику данного прономинанта повлияла его внутренняя форма: *Кассандра* предсказывала печальные события. Прониминант приобрел значение ‘предсказывающая плохое’, например: *Я не хочу быть Кассандрой, но... Время идет, а мои опасения не перестают подтверждаться* (Cosmopolitan. 2006. № 10); *Валерия Новодворская, эта современная Кассандра, предвещает скорую гибель демократии* (реплика в телепередаче); *Мой тогдашний шеф в сердцах назвал меня Кассандрой, потому что о возможном разорении фирмы я заговорила первая* (Комсомольская правда. 2007. 17 марта). Однако отмеченная закономерность прослеживается не всегда. Например, в предложении *Если бы еще два года назад кто-нибудь мне предсказал, что я свяжу жизнь с человеком вдвое младше себя, я бы этой Кассандре ни за что не поверила* (Вечерний Волгоград. 2008. 13 марта) рассматриваемый прономинант не имеет значения ‘предсказывающая плохое’, так как далее идет рассказ героини о счастливой жизни с молодым избранником. Итак, прономинант *Кассандра* в семантическом плане отличается от слова *предсказательница* тем, что имеет значение ‘предсказывающая плохое’, тогда как *предсказательница* может напророчить и плохое, и хорошее. Однако дифференциация синонимов по этому параметру, как было показано выше, не является жестко закрепленной. Анализируемые единицы различаются стилистически, так как прономинант встречается в публицистике, а существительное *предсказательница* имеет межстилевой характер.

В отличие от стилистической и семантико-стилистической синонимии другие типы синонимов встречаются среди прономинантов гораздо реже.

В роли оценочно-стилистических синонимов (составляющих 7,4 %) выступают, по нашим наблюдениям, преимущественно окказиональные прономинанты, относящиеся к семантической зоне «Субъект определенного рода деятельности, представитель определенной профессии» и использующиеся в современных публицистических текстах. Такие синонимы полифункциональны: они служат для стилевой организации текста и для выражения оценки. Например, употребленный в предложении *Мы не допустим появления в правительстве новых чубайсов* (реплика в телепередаче) прономинант *чубайс* отличается от синонима *политик*, во-первых, отрицательной оценочностью и, во-вторых, стилистической окраской, так как функционирует в сфере публицистики.

Семантические (идеографические, понятийные) синонимы составляют 0,7 % проанализированных единиц. Они, различаясь оттенками значения, выполняют дифференцирующую, уточнительную функцию. В качестве примера семантических синонимов можно привести синонимический ряд книжн. *страж* – книжн. *Цербер* – поэт. *Аргус*. Они, подвергшиеся в данном случае апеллятивизации, – это имена персонажей древнегреческих мифов (*Цербер* – свирепый трехголовый пес, охранявший выход из Аида, царства мертвых. *Аргус* – многоглазый великан, у которого во время сна часть глаз бодрствовала; *Гера* приказала ему стеречь *Ио*, превращенную в корову).

Прониминант *Цербер* зафиксирован в художественной прозе XIX в.: *Это цербер какой-то, все стережущий. Он и меня никак не хотел пустить*. (Писемский, А. Ф. Люди сороковых годов), а также в современной публицистике: *Эти церберы готовы поставить заслон на пути всех проявлений американской культуры* (Комсомольская правда. 2011. 5 сент.). Прониминант *Аргус* отмечен в поэтических текстах XIX в., например: *Безмолвно месяц покотился, да, / Спешу, твой Аргус удалился, / И сон сомкнул его глаза* (Пушкин, А. С. К Делии); *Настал любви условный час, / Час упоений, час желаний; / Спи, Аргус, под крылом мечтаний! / Не открывай, ревнивец, глаз! / Красавицы! Звезда свиданий, / Звезда Венеры*

будит вас! (Вяземский, П. А. Весеннее утро). Таким образом, прономинанты *Аргус* и *Цербер* функционируют в различных сферах книжной речи: первый – в поэзии, второй – в художественной прозе и публицистике. Доминанта *страж*, как уже было отмечено выше, также относится к книжной речи.

Обратимся к семантике рассматриваемых синонимов. В «Мифологическом словаре» под ред. М.Н. Ботвинника значение апеллативизированных единиц толкуется по-разному: *Аргус* – ‘бдительный страж’ (МС, с. 32), *Цербер* – ‘злой, свирепый страж’ (там же, с. 121). Примеры нашей картотеки подтверждают подобную трактовку: *Когда мечтательно я предан тишине / И вижу кроткую царицу ясной ночи, / Когда созвездия заблещут в вышине / И сном у Аргуса начнут смыкаться очи, / И близок час уже, условленный тобой* (Фет, А. А. Когда мечтательно я предан тишине...) – наличие у использованного прономинанта семы ‘бдительный’ подтверждается контекстом: если бы страж был беспечным, то влюбленным не нужно было бы ждать, пока он уснет; «*Церберы, настоящие церберы*», – *шептала худенькая женщина в очках, сжимая в руках узелок с передачей* (Цыкалов, Е. От Соловков до Магадана) – речь идет о лагерных охранниках, грубо разлучивших заключенного с приехавшей к нему на свидание матерью. Однако есть примеры, позволяющие уточнить семантику рассматриваемых единиц: *О милая Элеонора! / Я матери твоей страшуся взора, / Страшуся Аргуса с свирепою душой* (Пушкин, В. Л. Скромность); *Улыбка страстная и взор красноречивый, / В которых вся душа, как в зеркале, видна, / Сокровища моей... Она / Жестоким Аргусом со мной разлучена!* (Батюшков, К. Н. Из греческой антологии); *Еще ни одному журналисту не удалось заглянуть за ограду шикарного особняка Дональда Трампа. Церберы в камуфляже вежливо, но непреклонно задерживают непрошенных гостей* (Панорама. 1997. № 11). Приведенные примеры показывают, что в речи семантические различия между прономинантами *Аргус* и *Цербер* могут нивелироваться.

Что касается оценочных синонимов, то они представлены единичными употреблени-

ями (0,1 % проанализированных единиц). Обладая эмоционально-экспрессивными коннотациями, такие синонимы выполняют функцию оценки, которая «выражает определенное отношение говорящих к обозначаемому факту [6, с. 237]. В качестве примера можно привести следующие синонимические пары: *возница* – шутол. *автомедон*; *врач* – шутол., пренебр. *эскулап*.

Абсолютные (стопроцентные, полные, точные) синонимы, то есть слова, полностью совпадающие по значению и стилистической принадлежности, взаимозаменяемые в любых контекстах, среди апеллативизированных единиц отсутствуют.

Таким образом, реализуя свой синонимический потенциал, апеллативизированные единицы (прономинанты) способны выступать преимущественно в качестве стилистических и семантико-стилистических, реже – семантических, оценочно-стилистических, оценочных синонимов, что обусловлено, по-видимому, особенностями их происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1998. – 440 с.
2. Бережан, С. Г. Теория семантических полей и синонимия / С. Г. Бережан // Проблемы языкознания : докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгр. лингвистов. – М. : Наука, 1967. – С. 165–169.
3. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М. : Просвещение, 1965. – 436 с.
4. Ключева, В. Н. О синонимах и синонимическом словаре / В. Н. Ключева // Краткий словарь синонимов русского языка. – М. : Учпедгиз, 1961. – С. 3–12.
5. Москвин, В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 168 с.
6. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.
7. Снитко, Е. С. Внутренняя форма номинативных единиц / Е. С. Снитко. – Львов : Свит, 1990. – 188 с.

8. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 334 с.

СЛОВАРИ

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. – 17 т.

ВССРР – Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи : Тропы и фигуры. Общая и частные классификации : терминолог. слов. / В. П. Москвин. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

МС – Мифологический словарь / М. Н. Ботвинник [и др.]. – М. : Просвещение, 1965. – 300 с.

Ожегов – Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1975. – 846 с.

ПС – Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 376 с.

РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Рос. Энцикл. : Дрофа, 1997. – 703 с.

СЛТ – Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

SYNONYMOUS POTENTIAL OF APPELLATIVIZED UNITS

A.A. Kudryavtseva

The investigation of appellativized units in their functional aspect gives an opportunity to specify the criteria of synonymic differentiation, pointing out the criterion of the inner form of a word. The article dwells on the idea that the aforementioned units can be used as synonyms of different types, and namely, stylistic, semantic-stylistic, semantic and evaluative-stylistic ones.

Key words: *proper name, appellative name, semantics, nomination, appellativisation, pronomination, synonym, intertextuality.*